

ПЕРФЕКТ ВО ФРАНЦУЗСКОМ НАУЧНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Исходя из того, что в обществе существует наука как феномен культуры, в лингвистике рассматривается научный дискурс. Дискурс представляет собой интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определение коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания [1]. Конститутивными признаками, выделяющими научный дискурс из общей системы, предлагается считать: 1) особую цель (решение научной проблемы), 2) диалогическую форму существования, 3) статусное равенство участников [2].

Научный дискурс имеет целенаправленный характер, а это означает для языка, что коммуникативное содержание диктует выбор средств его адекватного выражения. Именно поэтому, несмотря на неограниченные возможности языка в передаче разнообразной информации, каждая частная сфера коммуникации налагает на него свои ограничения. Одной из таких частных сфер является научное общение, или обмен информацией в сфере науки, значимость которой в жизни общества необычайно высока. Последнее обстоятельство делает более интенсивным взаимодействие научного языка с общелитературным языком. Ввиду этого исследование языка научной литературы становится одной из наиболее актуальных проблем лингвистики.

Содержание текстов научного дискурса непосредственно соотнесено с реальным миром, а основным фактором, обуславливающим особенности научного дискурса, является соотнесенность с научно-познавательной деятельностью. Этим определяется его главное назначение – информация о научном знании. К задачам научной прозы следует, прежде всего, отнести доказательство определенных положений, гипотез, аргументацию, точное и систематическое изложение научных вопросов, сообщения новых результатов исследования. При помощи совокупности выразительных средств, присущих языку научного изложения, описывается действительно существующее и доказывается истина. В результате научная проза складывается в основном из ряда рассуждений и доказательств.

Различные подходы ученых к объяснению многих сложных и противоречивых вопросов в области французского глагола (В.Г. Гак, Л.П. Пицкова, Е.А. Реферовская, E. Benveniste, A. Klum, G. Lafleche, N.M. Vassilieva, 1979; H. Weinrich [3]) определили ряд дискуссионных проблем, решение которых становится возможным на базе достижений функциональной грамматики как особого направления в отечественном и зарубежном языкознании (А.В. Бондарко, В.Г. Гак, А. Martinet [4]). Известные работы в русле данного направления опираются, в свою очередь, на важнейшие философские и лингвистические концепции, признающие необходимость рассматривать реальную действительность в соотнесении с ее отражением в содержании языковых форм. Поиску языковых универсалий как свойств и закономерностей, присущих самим естественным языкам, и разработке соответствующего понятийного аппарата предшествовало отчетливое осознание того, что язык есть не только средство общения, но и необходимое условие осуществления процесса мышления.

Стремление понять многообразные свойства языка лежит в основе научных поисков, направленных на выявление опосредованной взаимосвязи семантики языка и неязыковой действительности через понятийные категории. Теория понятийных категорий дала новый импульс к расширению круга изучаемых грамматикой объектов; выдвинула на первый план понимание грамматики как сложной системы соответствий между смыслами, составляющими содержание речи, и внешними формами выражения этих смыслов, формальными показателями; способствовала совершенствованию тех подходов к исследованию содержательной стороны языка, которые базируются на представлении о постоянном живом взаимодействии, соприкосновении лексических и грамматических явлений [5].

Важным для комплексного рассмотрения средств является сочетание принципов описания «от формы к семантике». «Функция» как научное понятие при этом может иметь двоякий смысл: «... функция языковой единицы – это свойственная ей в языковой системе способность к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию в речи; вместе с тем функция – результат функционирования, т.е. реализованное назначение, достигнутая в речи цель» [6].

В русле данного функционально-грамматического направления ориентация на адекватное обозначение всякой мыслительной категории, имеющей языковое выражение, требует выяснения многих вопросов, касающихся содержания и системной организации выделяемых лингвистами лексико-грамматических, функционально-семантических и др. единств, например функционирование аналитических и синтетических временных форм глагола.

Все языки отражают категорию времени, однако выбор средств в данном языке на данном историческом этапе его развития, их набор и удельный вес каждого из них связан с природой конкретного языка. Языки с разветвленной системой глагольных форм могут передавать временную локализацию действия преимуще-

* © А.В. Простов, Волгоградский государственный университет, 2006.

ственно морфологически – формой глагола. Во французском языке основной способ выражения времени – морфологический, и сема времени в глаголе – одна из наиболее существенных его характеристик. Временные глагольные формы (синтетические и аналитические) являются частным случаем определенных языковых временных форм.

Система временных форм в составе ее компонентов и в отношениях между ними – и в самом факте существования форм прошедшего, настоящего и будущего времени – обнаруживает ориентацию на определенную точку отсчета, на дейктический центр, заключенный в построении данной системы, ее фокусировки. Каждая форма глагольного времени несет в своем категориальном значении определенное отношение к этому дейктическому центру. В зависимости от целей формирующегося высказывания говорящий, ориентируясь на реальный момент речи и намечая определенное отношение передаваемого содержания к этой точке отсчета, использует те грамматические формы времени и другие языковые средства, которые по заложенному в них отношению к временному дейктическому центру соответствуют цели высказывания. Отношение к временному дейктическому центру по-разному реализуется в типах ситуативно актуализированной / неактуализированной речи. Как известно, Э. Бенвенист, анализируя категорию времени, разграничивал два плана высказывания – *plan de l'histoire et plan du discours* [7]. Актуальность / неактуальность действия, определяющая выбор временной формы при употреблении конкретной глагольной словоформы, проявляется грамматически, реализуя при этом не только грамматические, но и семантические значения данной словоформы (употребление форм времени, категориальные значения форм времени, ограниченное / неограниченное время действия в прошлом).

В научном лингвистическом тексте выделяются два типа темпоральной семантики. Первый включает в себя объективное текстовое время, создающее единую темпоральную перспективу научного текста, которая согласуется с этапами становления и развития авторской концепции. Второй тип, концептуальное время, связывается с основным этапом ситуации научного исследования, этапом изложения теории. Объективное время наиболее часто проявляется как объективное прошедшее.

Употребление форм времени и их функционирование в научном лингвистическом тексте во многом обусловлены спецификой контекста, его грамматическими, синтаксическими и семантическими особенностями, причем последние детерминированы абстрактностью научной прозы как одним из ее экстралингвистических признаков и определяют грамматические особенности, под которыми подразумевается широкая представленность презентных форм, являющаяся грамматической реализацией понятия абстрактности. Абстрактность научного изложения оказывает большое влияние и на употребление и функционирование форм прошедшего времени, поскольку они детерминированы частым употреблением презентных глагольных форм как носителей грамматических и семантических значений абстрактного настоящего времени. В языке научной прозы формы прошедшего времени реализуют свое основное категориальное значение – предшествование по отношению к грамматической точке отсчета, которая отражает в обобщенном виде как момент речи, так и любой другой момент, по отношению к которому определяется время действия в речи. Этот так называемый «другой момент» – грамматическая точка отсчета – детерминируется временным планом контекста, который в свою очередь, определяет временную соотношенность в рамках рассматриваемой единицы наблюдения и обнаруживает помимо общего категориального значения прошедшего времени (предшествования) значение одновременности и следования.

Перфект в системе сложных форм занимает особое место, что обусловлено формой настоящего времени вспомогательного глагола. Употребление перфекта без дополнительных языковых показателей является самодостаточным для выражения функции предшествования в таксисных отношениях одновременности – одновременности. Другой важной функцией перфекта является его участие в формировании текста, где он выполняет интродуктивную, связующую, экспликативную и итоговую функции, создавая причинно-следственные отношения. Перфект отражает процессы, действия как предшествующие и имеющие отношение к последующим событиям, тогда как неперфект изображает действие как непосредственное, безотносительно данное в то или иное время.

В семантическом потенциале перфекта формируется своеобразная субъективно-оценочная грань, которая определяется как «привязка» содержания «перфектного высказывания» к личностному сознанию того, кто это произведение творит, а тем самым и как придание высказыванию с перфектом на фоне других временных форм, прежде всего претерита, повышенной значимости с личностной точки зрения.

Перфект выступает как форма с «двумя взглядами»: ретроспективным и проспективным, что создает отношение причины и следствия. Иначе говоря, аналитическая форма в определенной временной точке осуществляет двойную связь: с предшествующим событием, периодом, моментом и с моментом последующим. Важно подчеркнуть, что предшествование является не хронологическим, а внутрilingвистическим; отнесение к временному моменту обеспечивается временной формой вспомогательного глагола. Употребление перфекта является самодостаточным для передачи значения предшествования, прекращения действия к какому-либо моменту и связь с ним, например:

– Dans la permutation des valeurs, les termes conservent leur place, mais les valeurs changent; le cas des quantificateurs, que nous venons de citer, en est un premier exemple. Le changement de valeur est consacré par

l'orthographe dans «vu les circonstances». L'analogie des syntagmes étroits, plus résistants que les autres, a entraîné une permutation inverse des valeurs [8].

В перфекте значение предшествования выступает в чистом виде, предшествование выражается чаще всего до момента настоящего, момента речи, и предшествование воспринимается говорящим и слушающим как действие прошедшее. В сознании говорящего при употреблении перфекта всегда остается возможность связать действие с настоящим, что совершенно исключено для претерита, вытесненного из разговорной речи:

– Une seule altération générale a atteint par la suite les occlusives slaves dans une grande partie du domaine: beaucoup de sonores sont devenues finales en conséquence de la chute des jers finaux [9].

Под выражением «связь с настоящим» понимается не связь, вытекающая из морфологического строения глагола, а соотношение процесса высказывания с моментом высказывания отправителя речи, т.е. проявление категории лица во временной глагольной форме. Форма перфекта, сохраняя связь с моментом речи, связь с живым присутствием результатов действий, участвуя в «сцеплении» предложений, возвращает читателя к предыдущему, обеспечивая смысловую, логическую и грамматическую связи, оставляет рассказчика центром событий, и его участие в них остается очевидным:

– La tendance à réduire les consonnes finales, concordant avec la tendance générale du slave à supprimer les consonnes implosives, a abouti à la disparition des consonnes finales [10].

Использование перфектной формы является важной особенностью французского научного лингвистического текста. Это объясняется большими, по сравнению с претеритальными формами, стилистическими, экспрессивно-эмоциональными возможностями аналитических конструкций. Также типично противопоставление перфект / неперфект, используемое для разграничения эпического повествования (неперфект) и “неэпического” сообщения о прошлых событиях (перфект). Научный лингвистический текст является тем проявлением живой языковой реальности, где сталкиваются в конкретной реализации статический, системный и одновременно – динамический, функциональный аспекты языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. - Волгоград: Перемена, 2000. с. 5.
2. Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Михайлова. - Волгоград, 1999. – 18 с.
3. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. - М., 2000; Пицкова Л.В. Грамматическая категория вида в современном французском языке / Л.В. Пицкова. - М., 1982; Реферовская Е.А. Категория вида во французском глаголе / Е.А. Реферовская. - Изв. АН СССР. М., 1948, т. 7, вып. 5; Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966; Klum A. Verbe et adverbe. – Stockholm, 1961; Lafèche G. Etude psychosystématique sur les valeurs aspectives des temps du passé en français. - Revue des langues romanes. 2-e fasc. Montpellier, 1973, t. 80; Vassilieva N.M. Grammaire théorique du français. Moscou, 1979; Weinrich H. Le temps. Paris, 1973.
4. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. - Л., 1978; Гак В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка / А.В. Бондарко // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985; Martinet A. Studies in functional syntax: Etudes de syntaxe fonctionnelles. München, 1975.
5. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии / Ю.С. Маслов. - Л., 1984.
6. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. - Л., 1983. - С.8.
7. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. - Paris, 1966.
8. Meillet A. Le slave commun. - Paris, 1923.
9. Ibid.
10. Ibid.